

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 141.81

Н.Л. Лопатина

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ НА ЗЕМЛЕ КОНСЕРВАТОРАМИ Ю.С. ВИТТЕ И П.А. СТОЛЫПИНЫМ

Как идеология, российский консерватизм формировался в условиях борьбы с революционной идеологией. По мнению основателя русского социализма А.И. Герцена (основные идеи он изложил в работах 40-60-х годов XIX в.- «Россия», «С того берега» «О развитии революционных идей в России», «Русский народ и социализм», «Былое и думы»), центральным вопросом революционного преобразования России был вопрос о сохранности русской общины как специфическом пути к социализму. Он считал, что в общине имелось гармоничное сочетание принципа личности и социальности, обеспечивающее прогресс страны наиболее быстрыми темпами [1]

Эта идея Герцена о русском общинном социализме стала определяющей для целого поколения русской интеллигенции (народничество) на тридцать лет. Народники считали, что община выступала в качестве структурообразующей матрицы того микрокосмоса, по образу и подобию которого должна строится вся система большого социума. Община – материальный носитель социального генотипа (с точки зрения Н.А. Бердяева, «наивный утопизм» [2, 27-28]).

Будущая Россия виделась им социалистической страной, в основании которой лежит коллективное хозяйствование в виде поземельной крестьянской общины и рабочей артели.

В противоположность им выдающийся государственный

деятель России конца XIX – начала XX вв. С.Ю. Витте считал, что община представляла лишь удобную административно-хозяйственную единицу с административно-полицейской точки зрения, так как «легче пасти стадо, нежели каждого члена стада в отдельности». А сторонников её сохранения, как основы преобразования общества, назвал «старьевщиками исторического бытия русского народа», «полицейскими пастухами», «благонамеренными теоретиками». Патриархальному коллективному хозяйствованию он противопоставлял личное предпринимательство, отстаивал либеральную идею о частной собственности, как основу процветания государства. «Общинное владение, – утверждал Витте, – есть стадия только известного момента жития народов. С развитием культуры и государственности оно неизбежно должно переходить в индивидуализм – в индивидуальную собственность; если же этот процесс задерживается, и в особенности искусственно, как это было у нас, то народ и государство хиреют [...]. Принципом индивидуальной собственности [...] держится весь мир» [3, 504-506].

Для Витте главным пороком социализма было то, что при нем нарушается принцип индивидуализма и заменяется коллективизмом, особенно в области собственности. Коллективное хозяйствование, считал он, «едва ли [...] в будущем, исчисляемом десятками лет, сделает ка-

кие-либо заметные успехи». Социализм «сителен отрицанием и ужасно слаб созиданием», – сделает он вывод [3, 506].

Однако граф Витте не считал коллективное хозяйствование принципиально неперспективным. Коллективная собственность, по его мнению, может утвердиться, когда «общинное землевладение пройдет через горнило индивидуализма, т.е. собственности индивидуальной. Это может произойти только тогда, когда человек усомнится в благе личной своей жизни, в своем «я» и будет видеть для личного блага спасение в «мы» [3, 507]. То есть, коллективная собственность может давать результаты только при добровольном объединении хозяев, самостоятельно пришедших к выводу о необходимости полного или частичного объединения хозяйств.

Этим обстоятельством, указанном Витте, и объясняется «живучесть» крестьянских кооперативов (кредитных, снабженческо-сбытовых, производственных артелей), созданных в России ещё в начале XX в. Они просуществовали до конца 20-х годов - до начала насильтвенной колективизации. Добровольность людей, их хозяйственная независимость от государства определяют и в XXI в. устойчивость современных израильских «колхозов» (кибуцей). В 1910 г. была основана первая кибуца, в 1995 г. их было 269, с населением 125 тыс. чел. (3% населения Израиля). Кибуцы обеспечивали значительную

долю сельскохозяйственной продукции: зерно – 44%; фураж – 58%, хлопок – 83%, кукуруза – 78%, рыба – 97%. В кибуцах работали 384 промышленных предприятия (от ювелирных до металлургических) с численностью 24430 чел. Сбыт их продукции только в США был на сумму 2,3 млрд. руб.) [4, 140-143].

В своей преобразовательной программе консерватор граф Витте, по сути, был большим революционером производственных отношений, чем Герцен и народники. Вместо идеи сохранения общины он предлагал её разрушение. Он считал, что надо освободить крестьянина от попечительских уз общинны, дать ему гражданские права, сделать его полным и личным обладателем своего труда.

Пророческими для России, проведенной в XX в. через эксперимент социализма, стали слова Витте о том, что человек не разовьет свой труд, если он не понимает, что плоды его труда есть результат его собственности, которую он передаст наследникам. Как может человек проявить и развить не только свой труд, но и инициативу в своем труде, воскликнул Витте, когда он не может даже передвигаться без паспорта, когда его быт похож на быт домашнего животного, «с тою разницей, что в жизни домашнего животного заинтересован владелец» [3, 515-516]. Витте считал, что община сдерживала развитие производительных сил деревни, так как обрабатываемая крестьянами земля периодически заменялась другой (по решению деревенского схода), плоды трудов делились не по закону, а по обычаям. Трудовые усилия крестьян останавливало и то, что старательный труженик был ответственен за налоги, не внесенные другими (круговая порука). По мнению Витте, крестьянина не устраивало и то, что его бытие находилось не в руках закона, а «под благом попечительного усмотрения

маленького «батюшки», отца земского начальника» »[3, 515-516].

Устранить недостатки общинного землепользования, отмеченные Витте, была призвана Столыпинская аграрная реформа 1906-1911 гг., названная по имени её автора – Председателя Совета Министров П.А. Столыпина, который был учеником С.Ю. Витте и начинал свою карьеру под его покровительством.

Закон Столыпина от 9 ноября 1906 г. предусматривал: во-первых, наделение крестьян землей на основе частной собственности, а не регулярного перераспределения общинной земли; во-вторых, свободный выход крестьян из общинны, чего раньше они сделать не могли, связанные обязательствами по круговой поруке; в-третьих, переселение крестьян (за счет государства) в азиатскую часть страны.

В советской научной литературе эта реформа интерпретировалась преимущественно с политической точки зрения, как реформа, целью которой было создание социальной базы царизма на селе в виде кулачества. Вслед за Лениным многие учёные утверждали, что с экономической точки зрения она потерпела крах, ибо не коснулась помещичьего землевладения. Хотя в действительности за период 1909-1913 гг. производительность сельского хозяйства возросла в полтора раза.

Это стало следствием изменения социокультурного облика русской деревни под влиянием либерализации экономических и социальных отношений. Ибо установление частной собственности на землю, освобождение крестьян от повинностей общинне способствовали развитию предпринимательства у наиболее трудоспособных жителей русской деревни.

В выступлениях в Государственной Думе (10 мая 1907 г., 5 декабря 1908 г.), в Государственном Совете (15 марта 1910

г.) Столыпин дал всестороннее обоснование стратегии наделения крестьян правом собственности на землю. «Главное, – заявил он, – правительство желает поднять крестьянское земледелие, оно желает видеть крестьянина богатым и свободным» [5, 93].

Как и Витте, он считал «нужно снять те оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот способ пользования землей, который наиболее его устраивает». Это делает, по мнению Столыпина, всю Россию богатой и сильной державой, поможет ей избежать разрушительных революционных потрясений [5, 91].

«Мы предлагаем вам скромный, но верный путь, – говорил он депутатам Думы. – Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия» [5, 96].

Столыпин категорически выступал против экспроприации помещичьих земель и наделения ими всех крестьян по уравнительному принципу. Нельзя, считал он, ленивого «тунеядца» равнять с трудолюбивым. Нельзя «человека тупоумного приравнивать к трудоспособному. Вследствие этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяин, хозяин изобретательный, самою силою вещей будет лишен возможности, приложить свои знания к земле. ...Собственность имела всегда своим основанием силу, за которую стояло и нравственное право» [5, 89].

Однако, именно такое приравнение тупого и ленивого с умным и трудолюбивым крестьянином стало определяющим в большевистском аграрном преобразовании XX в. Как и предсказывал Столыпин, последствия оказались сокрушительными как для трудовой, так

для нравственной культуры россиянина.

Проводя реформу, Столыпин настаивал на дифференцированном подходе. Он считал, что общину не следует разрушать везде. Её надо ликвидировать только в тех местностях, где индивидуальное крестьянское хозяйство уже получило развитие, где община, как принудительный союз, ставила препятству для его самодеятельности. Там и надо дать крестьянину «свободно трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью; надо дать ему власть над землею, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя». Закон вместе с тем, по его мнению, не ломал общину в тех местах, где хлебопашество имело второстепенное значение, где существовали другие условия, которые делали общину лучшим способом использования земли. Там её надо сохранять [5, 176].

Таким образом, он, как и Витте, не выступал категорически и принципиально против коллективного хозяйствования на земле. Но преимущество отдавал частному предпринимательству.

По закону об аграрной реформе личный собственник был волен распоряжаться своей землей, мог закрепить за собой свою землю, имел право требовать отвода в отдельный участок (хутор). Он мог прикупить себе земли, мог заложить ее в Крестьянском банке, мог, наконец, продать ее. Весь запас разума, воли, говорил Столыпин, находился в полном распоряжении собственника, он «вполном смысле слова кузнец своего счастья». Но, вместе с тем ни закон, ни государство не могли оберечь его от возможности утраты собственности. И ни одно государство не может обещать обывателю такого рода страховку, погашающую его самодеятельность [5, 176-177].

«[...] Главное, – говорил он ещё в 1910 г., – что необходимо, когда мы пишем закон для всей

страны, это иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых [...], опираться не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных» [5, 178].

На фоне опыта советского колхозного строительства эти слова Столыпина о стратегии государственного реформирования выглядят исключительно актуальными. Не утратили они актуальность и для реформаторов 90-х годов XX в.

Не меньшее значение могли бы иметь слова Столыпина о величайшей осторожности, с которой нужно проводить реформы. Анализируя почти 4-летний опыт аграрной реформы, Столыпин говорил, что её проводили, «избегая всякого насилия, всякого принуждения, как в отношении общинного способа, так и семейного способа владения землей». Закон лишь осторожно развязал узлы, снял путы, связывавшие свободную волю крестьян. Правительство, по его словам, шло с величайшей осторожностью, освобождая крестьянству пути перехода к личной собственности, сохранило все правила, ограждающие сохранность крестьянской надельной земли [5, 253-254].

Однако при проведении большевистской аграрной реформы в 30-е годы была сделана ставка именно на бедных, то есть на неудачливых хозяев. При этом игнорировались национальные, культурные, экономические и региональные особенности. Реформа (коллективизация) была проведена в ущерб наиболее предприимчивым крестьянам, по советской терминологии, кулакам и середнякам. И главным её методом был метод насилия.

В ходе коллективизации реализовывалась идея первоначального накопления капитала для социалистической индустриализации. Иными словами, за счет деревни развивалась промышленность. Это была еще одна принципиальная ошибка, против которой предупреждал Столыпин, критикуя революцион-

онных депутатов Думы за их идею экспроприации помещичьих земель. «Государство, – говорил он в своей речи перед ними, – есть единый организм. Если между частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнет и превратится в «царство, разделившееся на ся». «[...] Господа, нельзя укрепить большое тело, питая его вырезанными из него самого кусками мяса. Надо дать толчок организму, создать приток питательных соков кльному месту. И тогда организм осилит болезнь» [5, 94].

Оценивая русскую общину, русский философ И.А. Ильин признавал, что элемент социализма в общине действительно имелся. Но она была государственно-принудительной, бессрочной и ограничивающей свободное распоряжение землей, привела к аграрному перенаселению во всей стране, к экстенсивности и отсталости крестьянского хозяйства, к стеснению и подавлению личной хозяйственной инициативы, к нарастанию революционных настроений в стране [6, 42].

В объяснении причин революционности крестьянства он восходил к общине, считал: «В крестьянстве бродило еще памятозлобие крепостного права и вековая мечта земельного передела и анархии; аграрная перенаселенность общинны дразнила народ безвыходностью и поддерживала иллюзию количественно неисчерпаемого земельного фонда; остатки крестьянского неравноправия и неполноправия довершили эти настроение» [5, 212].

Трагедия предреволюционной России, по его мнению, состояла в том, что Россия оскудела не духовностью и добротой, а силу духа и добра. «В России было множество хороших и добрых людей; но хорошим людям не хватало характера, а у добрых людей было мало воли и решимости [...], недоставало зрелой предметности и энергии в самоутверждении» [5,

212-213].

Зато у леворадикальных элементов этой воли и энергии оказалось предостаточно. И они повели преобразование России, опираясь на революционную марксистскую идеологию. Одной из определяющих частей этих преобразований стала коллективизация деревни, результатом которой и стало хронически неудовлетворительное развитие производительных сил деревни, изменение социокультурного облика не только крестьянина, но и горожанина. Советские реформаторы 20-30-х годов игнорировали следующие преобразовательные идеи идеологов русского консерватизма:

- Принципом индивидуальной собственности держится весь мир. В частной собственности не только экономический

интерес, но и нравственное начало всего общества.

- Коллективное хозяйствование допустимо, но оно должно пройти через горнило индивидуализма, в результате чего человек убеждается в предпочтительности «мы» перед «я».

- Крестьянин должен получить гражданские права, делающие его свободным не только в экономическом, но и политическом плане.

- Успех аграрной реформы может быть только при опоре на «крепких и сильных» крестьян, а не «убогих и пьяных».

- При аграрных преобразованиях избегать всякого принуждения, осторожно освобождая крестьянству путь к личному предпринимательству.

- Реформы должны про-

водится с учетом социокультурных, экономических, национальных, исторических особенностей.

Русский консерватизм, выдвигая способы прогрессивного развития общества, не смог противостоять экстремистскому наитиску по ряду причин, в том числе в силу популистской привлекательности революционных лозунгов. Общество вынуждено было экспериментально пройти революционную модель развития, чтобы прийти к пониманию необходимости эволюционного развития, на чем настаивали консервативные круги России в начале XX в., и к чему пришлось возвращаться век спустя, в 90-е годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.И. Герцен. Собр. соч. в 8 т. – М., 1975.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Мысль, 1987. 224 с.
3. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. 1849-1911 гг. – М.: Мысль, 1991. 708 с.
4. Кибуц вчера, сегодня, завтра. – Иерусалим, 1999. 410 с.
5. Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. – М.: Молодая гвардия, 1991. 411 с.
6. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 годов. В 2-х т. – Париж – М.: Парог, 1992. Т. 1. 613 с.

Автор статьи:

Лопатина

Наталия Леонидовна
- канд. культурологич. наук, ст. преподаватель. кафедра философии